

СЕМАНТИКА ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ ЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «СВЕДЕНИЕ И МНЕНИЕ», «ОЦЕНКА», «ФАКТ»)

Статья посвящена описанию взаимодействия теоретической лингвистики с одной из новых областей прикладной лингвистики – юридической лингвистикой. Описываются некоторые свойства семантики языка, которые обнаруживаются в связи с его функционированием в юридической сфере.

Ключевые слова: юридическая лингвистика; семантика; факт; мнение.

Появление юридической лингвистики генетически связано с решением определенного рода прикладных задач, прежде всего с обеспечением законодательной и правоприменительной деятельности в форме научных исследований (в юридическом аспекте – заключений экспертов) для установления фактов, имеющих юридическое значение (правоприменение) либо для лингвистической составляющей экспертизы законопроектов (правотворчество). При этом теоретическая лингвистика способна извлечь из юридической сферы коммуникации [1] новый эмпирический материал, который, во-первых, может служить целям верификации существующих лингвистических гипотез, а во-вторых – ставит перед лингвистикой новые теоретические и прикладные задачи.

Настоящая статья посвящена обсуждению этого тезиса, который рассматривается на примере роли юридико-лингвистических вопросов в решении проблем лингвистической семантики.

Под противопоставлением фактов и оценок, сведений и мнений, на наш взгляд, понимается противопоставление дескриптивных и оценочных высказываний. Такое содержательное наполнение противопоставления факта и оценки, насколько нам известно, связано с логическим моделированием описываемых категорий [2, 3]. В современной логике противопоставление дескриптивного и оценочного ставится в зависимость от возможности проверки высказывания на истинность/ложность.

«Главной функцией описательного высказывания является описание действительности (выделено мной. – К.Б.). Если высказывание описывает реальное положение дел, оно считается истинным, если не соответствует реальности – ложным. Обычно **само понятие описательного высказывания определяют в терминах истины и лжи**: высказывание есть повествовательное предложение, рассматриваемое вместе с его содержанием (смыслом) как истинное или ложное...

Оценочным высказыванием называется высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта, дающее ему оценку.

Понятие оценочного высказывания может быть **прояснено путем противопоставления его описательному высказыванию.**

Оценка является выражением **ценностного** отношения к объекту, противоположного **описательному**, или **истинностному**, отношению к нему. В случае истинностного отношения утверждения к объекту отправным пунктом их сопоставления является объект, и утверждение выступает как его описание. В случае ценностного отношения исходным является утверждение, функционирующее как образец, план, стандарт. Соответствие ему объекта характеризуется в оценочных понятиях» [1].

Таким образом, если высказывание может быть квалифицировано на шкале «истинно/ложно», то перед нами дескриптивное высказывание, если нет – оценочное, т.е. категория истины выступает отправным пунктом для разграничения оценочных и дескриптивных высказываний.

Безусловно, такой подход вполне достаточен для логики, которая имеет свой предмет исследования и берет данные представления в качестве неформальных предпосылок, имеющих статус постулатов.

Лингвист же, оказавшийся в ситуации экспертного исследования, должен ответить на вопрос, **каким образом** квалифицировать конкретное высказывание на шкале «сведение/мнение» («факт/оценка»).

Данный вопрос, погруженный в более общий лингво-философский контекст, восходит к спору реалистов и номиналистов о статусе общих понятий. В более поздний период этот вопрос трансформировался в проблему свойств неинтенциональных языков. Крайним развитием номиналистической тенденции в логике и лингвистике была концепция Р. Карнапа, который, по крайней мере, на первом этапе своей деятельности пытался свести проблему устранения метафизических высказываний из языка науки при помощи построения полностью экстенционального языка [4. С. 431–438].

К. Поппер, на наш взгляд, доказал невозможность существования неинтенциональных языков (невозможность существования доказывалась, безусловно, относительно поставленных позитивистами проблем, а именно проблем демаркации между действительной наукой и метафизикой).

Позволим себе привести достаточно большую цитату из работы К. Поппера, посвященную данной проблематике: «Можно сказать, что учение (имеется в виду учение Р. Карнапа. – К.Б.) интерпретирует различные слова экстенционально, или перечислительно; их “значение” задано списком или перечнем тех вещей, которые они именуют: “вот эта вещь и эта вещь...” Такое перечисление можно назвать “перечислительным определением” значения имени, а язык, в котором все слова (не-логические или не-образующие) определены перечислительно, – “перечислительным языком” или “чисто номиналистическим языком”. Легко показать, что такой чисто номиналистический язык совершенно неадекватен для любой научной цели. Это выражается в том, что все его предложения являются аналитическими – аналитически истинными или противоречивыми – и что в нем нельзя выразить синтетических предложений. Если мы предпочитаем обойтись без терминов “аналитический” и “синтетический”, то можем выразить это иначе: в чисто номиналистическом языке нельзя сформулировать предложение, истинность или ложность которого не устанавливалась бы простым

просмотром определяющего списка или перечня тех вещей, о которых говорится в предложении. Таким образом, истинность или ложность любого предложения устанавливается сразу же, как только входящие в него слова получают значение... Ясно, что в таком языке нельзя формулировать гипотезы, и он не может быть языком науки. И наоборот, каждый язык, адекватный целям науки, должен включать в себя слова, значения которых не заданы перечислением. Или, можно сказать, каждый научный язык должен использовать подлинные универсалии, т.е. слова с неопределенным объемом, хотя, быть может, с четким интенционалом» [4. С. 436].

Структуралистская концепция интенционала представляется нам весьма корректной. Согласно этой концепции семантика – это набор дифференциальных признаков. Развиваясь, лингвистическая концепция интенционала вылилась в различные по характеру исследования [5–7], в которых описание интенционала доведено до глубинного уровня.

Другой вопрос, **как** интенционал соотносится с экстенционалом, безусловно, не менее важен, т.к. это тоже вопрос семантики, понимаемой как отношение знака с отражаемым им предметом. И в данном случае нет никаких сомнений, что эти отношения являются функцией (в значении «зависимость») интенционала и экстенционала. Самым знаменитым примером, иллюстрирующим «парадоксальность» языкового отношения экстенционала и интенционала, является парадокс «куча». Напомним содержание этого парадокса.

«Одно зерно кучи не составляет, прибавив еще одно зерно, кучи не получишь. Как же получить кучу, прибавляя каждый раз только по одному зерну, ведь при любом таком прибавлении одного зернышка кучи не образуется? Иными словами, где та грань, начиная с которой “не-куча” превращается в “кучу”?» [8. С. 220].

Функция, организующая отношения между интенционалом и экстенционалом, действительно, принимает значения от 0 до 1, но из этого факта не следует, что семантика языка имеет прототипическое устройство. Возможно, что прототипическое устройство имеет отношение между интенционалом и экстенционалом, при этом весьма вероятно, что равноправность членов экстенционального ряда, является частным случаем их прототипической организации.

Например, когда кто-то говорит, что Х вор (тому, кто говорит 50 лет), он, вероятно, не имеет в виду, что Х украл у него в десятилетнем возрасте красивую ручку, а если и говорит, то данное утверждение не более чем шутка. Безусловно, возможны и «серьезные варианты» описываемой коммуникации, но они ведут не только к лингвистическим, но и к психологическим следствиям: если кто-то говорит так в серьез, то стоит ставить вопрос о его психологической адаптированности (в другом аспекте – коммуникативной вменяемости).

В развиваемом здесь ключе уместно остановиться на понятии «частный случай». Действительно, представляется, что предикатов с нечеткой интенциональной функцией в количественном отношении больше, чем предикатов, обладающих обратными свойствами, но это говорит лишь о количественном аспекте их соотношения, не характеризую их качественно – со стороны устройства и функционирования. Например, правовая коммуникация «настаивает» на взаимнооднозначном отношении между этими

слоями семантики, и русский язык (при расследованиях и судебных заседаниях) справляется с этой функцией: экстенционал может быть уточнен при помощи вопроса: Вы были в 15.00 в доме 36 по улице такой-то?

Остановимся на более принципиальном примере. Предположим, что нам даны два предиката «быть холостяком» и «быть Папой Римским» [9]. Для Дж. Лакоффа данный пример иллюстрирует прототипический эффект естественного языка, категории которого восходят к деятельности когнитивной категоризации. По нашему мнению, нет никакой необходимости объяснять следующий эффект: «быть Папой Римским» является более плохим представителем категории холостяк» через понятие членства в категории. Относительно интенционального уровня Папа Римский как объект является не менее плохим представителем категории «холостяк», потому что выполняется пресуппозиционное условие «быть мужчиной». Если же сравнивать интенциональные уровни данных предикатов, то вопрос о степени представленности реального человека, который обладает экстенциональными (=денотативными) признаками «мужчина» и «Папа Римский», в категории «холостяк», по нашему мнению, не имеет смысла, т.к. семантический (интенсиональный) признак «быть холостяком» в предикате «Папа Римский» нейтрализован. Это два различных в интенциональном отношении предиката, имеющих свои контексты употребления, сравнение которых на экстенциональных объектах некорректно. Вполне объяснимы реакции информантов, относящих Папу Римского на периферию категории «холостяк», они есть результат «интенсионального сравнения», попытки примирить в каком-то отношении непримиримые семантические признаки, имея в виду реальное физическое лицо (денотат). Естественно, что если задается вопрос, является ли Папа Римский холостяком, информант думает о соотношении интенсиональных признаков «быть холостяком» и «быть Папой Римским» и приходит к выводу, что для определения Папы Римского не совсем важен признак «холостяк» (а он, действительно, нейтрализован в данном предикате).

Поясним сказанное на примере. Предположим, что в судебном заседании относительно человека, который в настоящее время является Папой Римским, требуется установить, является ли он холостяком. Ответ очевиден, денотат, удовлетворяющий интенциональным признакам «быть мужчиной», «быть неженатым», является холостяком, при этом неважно, что этот же объект по-другому определен на интенционале «быть Папой Римским».

Семантика естественного языка относительно категории истинно/ложно, по-видимому, удовлетворяет постулату А. Тарского: «Трава зеленая» *истинно*, тогда и только тогда, когда (действительно) трава зеленая. Из этого вытекают следствия: высказывание может быть осмысленным, при этом могут отсутствовать критерии проверки данного высказывания на предмет его соответствия действительности, этот результат лингвистически интерпретируется в таком же ключе, как и наличие прототипических эффектов в языке: четко определенные интенциональные предикаты могут не иметь четких экстенциональных границ. Поясним это на примере разграничения диспозитивных и дескриптивных предикатов (переводя в более привычную лингвистическую терминологию

на примере референциального и атрибутивного употребления имен, которое было введено представителями философии позитивизма. Данная проблема является вариацией на тему статуса общих понятий, таких как «рыба», «человек» и т.п. Позитивистская философия, построенная в номиналистическом ключе, пыталась свести общие понятия к понятиям наблюдения, которые можно описывать протокольными предложениями. Данные протокольные предложения являются эмпирическим базисом теоретических описаний. На неосуществимость этой программы указал К. Поппер [4. С. 456–457].

Для лингвистики и юридической лингвистики признание описанных тезисов приводит к следующим следствиям. Мир описывается только в рамках категорий семантики конкретного языка, «уровень точности», «полнота» описания мира связаны с богатством и свойствами семантики языка, на котором этот мир описывается. Это не означает, что один язык «лучше» другого. Так, Г. Фреге считал, «что отношение построенного им языка “исчисления понятий”, специального языка формул для чистого мышления, к естественному языку лучше всего можно пояснить, если сравнить его с отношением микроскопа к глазу. Глаз, в силу широкой сферы его применения, в силу его способности приспосабливаться к различным обстоятельствам, обладает большим преимуществом по сравнению с микроскопом... Но как только научные задачи предъявляют более сильные требования к остроте различения, оказывается, что глаз не в состоянии с ними справиться. Напротив, микроскоп самым совершенным образом подходит для решения именно таких задач и как раз непригоден для решения всех иных» [10. С. 31–32].

Естественный язык обладает своим уровнем точности и уровнем полноты описания мира, который задается его коммуникативной функцией. Для общения (обмена информацией) достаточно того уровня точности, которым обладает естественный язык. Когда некто, говорит: «Пройдешь мимо кучи с песком, а потом завернешь за угол», его целью не является определение экстенсioнальных свойств того, что он назвал «кучей», референциально слово «куча» употребляется в данном контексте в значении «нечто, что можно интерпретировать как куча», а цель говорящего – дать слушающему опорные точки для продолжения его пути. И в данном случае будет вряд ли уместен спор о том, являлось ли то, что назвал говорящий словом «куча», кучей в действительности, т.к. то, что было названо «кучей» помогло или не помогло слушающему дойти до пункта назначения. Другое дело, когда установление более точных характе-

ристик объекта «куча» необходимо, например, при судебном разбирательстве в таком контексте: «Из-за этой кучи я не видел, как грабили Петрова».

В каком-то отношении мы присоединяемся к гипотезе Сепира–Уорфа, согласно которой границы языка человека есть границы его мира, но не разделяем следствия, вытекающего из этой гипотезы, следствия о тождестве языка и мышления. Выскажем предположение, что для того, чтобы стать первоклассным шахматистом нужно прежде всего овладеть семантикой и синтактикой «языка шахмат» (языком позиций, комбинаций и т.п.), а это означает, что при игре в шахматы нужно перестать думать на естественном языке. Другой факт связан с тем, что развитию любой науки соответствует этап, связанный с критикой естественного языка (либо любого другого языка), следствия этой критики – развитие нового языка с семантикой, позволяющей более адекватно описывать объекты этой науки.

Заканчивая статью, отметим, что ее основное содержание было связано с описанием тех возможностей, которые лингвистическая наука получает от исследования нового эмпирического материала, сообщаемого ей (лингвистике) сферами профессиональной коммуникации. Прикладные вопросы и новая эмпирическая база могут способствовать, по нашему мнению, решению традиционных вопросов языкознания: соотношения языка и мышления, соотношения языкового и внеязыкового. В гносеологическом аспекте лингвистика получает возможность для нового типологического взгляда на естественный язык. Фундаментальная гипотеза о статусе естественного языка в правовой коммуникации, разрабатываемая Н.Д. Голевым [11], возможно, справедлива относительно любой искусственной языковой системы и, как мы считаем, может являться основанием для типологических исследований. Данные исследования могут осуществляться в двух направлениях. Первое – от специфики естественного языка, где любой профессиональный язык – это зеркало для изучения естественного языка. Так, сравнение принципов устройства семантики различных языковых систем, одной из которых является система естественного языка, позволяет описать свойства этой последней системы.

Второе направление исследований связано с идеей непрерывного языкового пространства, где любой профессиональный язык – продолжение, естественное развитие (в другом аспекте – функциональный вариант) естественного языка.

Думаем, что при таком подходе лингвистика получает новые «точки отсчета» (=предметные области) для исследования традиционных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивин А.А. Логика. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/ivina01/index>
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
3. Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
4. Поппер К. Предположение и опровержение. М., 2002.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.
6. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (На материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
7. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ». М., 1974.
8. Казаков А.Н., Якушев А.О. Логика-1. Парадоксология. Ижевск, 1999.
9. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о категориях мышления. М., 2004.
10. Смирнова Е.Д. Логика и философия. М., 1996.
11. Голев Н.Д. От редактора: Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика 7: Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул, 2006. С. 8–37.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 марта 2009 г.